

Свами Вивекананда

РАЗУМ И РЕЛИГИЯ

РАЗУМ И РЕЛИГИЯ

Мудрец по имени Нарада пришел к другому мудрецу по имени Санаткумара, чтобы научиться у него истине, и Санаткумара спросил, что Нарада изучал прежде¹. Нарада ответил, что он изучал Веды, астрономию и разные другие науки, но не получил от этого никакого удовлетворения. Затем между ними произошла беседа, по ходу которой Санаткумара заметил, что все знание Вед, астрономии и философии — это знание второстепенное; науки имеют второстепенное значение. Важнейшее, высшее знание — то, которое дает нам постичь Брахмана. Эту мысль мы находим в каждой религии, и вот почему религия всегда претендовала на то, что она есть высшее знание. Знание, которое дают науки, охватывает как бы только часть нашей жизни, но знание, которое дает нам религия, вечно, оно столь же безгранично, как истина, которую проповедует религия. Претендуя на подобное превосходство, религии, к сожалению, часто с пренебрежением относились ко всякому мирскому знанию, более того, часто отказывались от какой-либо поддержки со стороны мирского знания. В результате во всем мире происходила борьба между мирским и религиозным знанием: последнее провозглашало своей основой непогрешимый авторитет и отказывалось даже выслушивать то, что светское знание имело сказать на эту тему; первое же, вооружившись блистательным инструментом разума, готово было искромсать все то, что предлагала религия. Эта борьба шла и все еще идет в каждой стране. Религии снова и снова терпели поражения и почти уничтожались. Культ богини Разума², учрежденный во время Французской революции, был не первым явлением подобного рода в истории человечества; это было лишь повторением того, что уже случалось и в древности, но только в новое время такие явления приобрели больший размах. Физические науки теперь оснащаются лучше, чем прежде, а религии — все хуже и хуже. Все основания подорваны, и современный человек, что бы он ни говорил публично, в глубине своей души знает, что он не может больше «верить». Верить во что-то только потому, что некая организация священнослужителей говорит ему, что он должен верить, верить потому, что так написано в каких-то книгах, верить потому, что окружающие хотят, чтобы он верил, — современный человек знает, что так верить он не может. Есть, конечно, и такие люди, которые как будто находят удовлетворение в так называемой народной вере, но мы знаем и то, что подобные люди не дают себе труда мыслить. Их вера может быть вернее определена как «бездумная беспечность». Продолжающаяся борьба между религией и мирским мышлением вскоре не может не разрушить полностью все сооружения религии.

Есть ли какой-нибудь выход? Этот вопрос можно поставить более конкретно: следует ли религии оправдывать себя с помощью открытий разума — так, как это делает всякая другая наука? Следует ли использовать в науке религии те же методы исследования, которые используются в прочих науках и областях знания? По моему мнению, это делать следует и чем скорее, тем лучше. Если некая религия будет разрушена подобным исследованием, значит, она всегда была никчемным, недостойным суеверием, и чем скорее она исчезнет, тем лучше. Я убежден, что уничтожение такой религии — наилучший исход. Несомненно, в результате такого исследования весь шлак будет отброшен, но самая суть религии восторжествует. Религия не только будет сделана научной — по крайней мере, столь же научной, как любые заключения физики или химии, — но обретет еще большую силу, чем науки, потому что физика или химия не обладают тем внутренним свидетельством истинности, которое есть у религии.

Лекция, прочитанная Вивеканандой в Англии. Перевод выполнен С. Д. Серебряным по изданию: The Complete Works of Swami Vivekananda, v. 1. Calcutta, 1989.

¹ Пересказ Чхан.-уп., VII, 1—26. Нарада — мифический мудрец; упоминание о нем есть уже в Атхарваведе (V, 19,9; XII, 4, 16 и др.). Ему приписывается авторство некоторых гимнов Ригведы; в поздней мифологии он обычно ассоциируется с Кришной как воплощением бога Вишну. Нараду, как правило, изображают в виде старца с музыкальным инструментом в руках, похожим на лютню. Санаткумара (санскр.: «вечно юный», сын Брахмы; согласно некоторым легендам, старший из сыновей Брахмы, прародитель рода человеческого. Часто изображается пятилетним ребенком в соответствии с его именем.

² Религиозная политика во Франции во время Французской буржуазной революции во многом определялась стремлением наиболее радикальных ее идеологов к дехристианизации общественного сознания. Повсеместно насаждался полутеистический культ Разума, Истины и Свободы; выработывался новый ритуал (например, на площадях устанавливались алтари Разума). Вивекананда сблизает здесь индуистские представления о богине Сарасвати, почитаемой как богиня — супруга Вишну, идеал женской красоты, верности и покровительница наук, с тем культом Разума, что имел место во французской истории.

Те, кто отрицает правомерность и действенность любого рационалистического исследования религии, по-моему, несколько противоречат сами себе. Например, христианин утверждает, что его религия — единственно истинная, потому что она была дана в откровении такому-то и такому-то. Мусульманин утверждает то же самое о своей религии: она — единственно истинная, потому что была дана в откровении такому-то и такому-то. Но христианин говорит мусульманину: «Некоторые части вашей этики представляются мне неправильными. Например, в ваших книгах, мой друг мусульманин, говорится, что неверный может быть обращен в веру Мухаммеда силой, и если он не примет эту религию, то его можно убить; и любой мусульманин, убивший такого неверного, обеспечит себе после смерти рай, каковы бы ни были его проступки или грехи». Мусульманин на это ответит: «Я вправе поступать так, потому что моя книга предписывает мне это. Напротив, было бы неправильным с моей стороны так не поступать». Христианин говорит: «Но моя книга говорит другое». Мусульманин отвечает: «Я не знаю. Для меня ваша книга не авторитет. Моя книга говорит: «Убей всех неверных»³. Откуда вы знаете, что правильно, а что неправильно. Несомненно, то, что написано в моей книге, — правильно, а ваша книга, говорящая: «Не убий!» — не права. Ведь и вы, мой друг христианин, утверждаете: то, что Иегова велел евреям делать, то правильно, а что он запретил им делать, то неправильно. Так и я говорю: Аллах провозгласил в моей книге, что некоторые вещи следует делать, а некоторые иные вещи делать не следует; это и есть критерий правильности и неправильности, правоты и неправоты». Но, несмотря на все эти доводы, христианин не удовлетворен; он настаивает на сравнении этики Нагорной проповеди с этикой Корана. Как же разрешить этот спор? Конечно же, не с помощью книг, потому что книги, конфликтующие между собой, не могут быть здесь судьями. Мы должны неизбежно признать, что есть нечто более универсальное, чем эти книги, нечто более высокое, чем все этические кодексы мира, нечто, способное беспристрастно сопоставлять вдохновения разных народов. Признаем ли мы это открыто и смело или нет, но очевидно, что в данном случае мы обращаемся к разуму.

Однако возникает вопрос, может ли свет разума быть судьей в споре между вдохновениями, может ли этот свет помочь, когда ссорятся различные пророки, обладает ли вообще разум способностью понимать проблемы религии. Если нет, значит, ничто не может разрешить тот безнадежный спор книг и пророков, который длится веками; значит, всякая религия — это ложь и обман, скопище безнадежных противоречий без какой-либо обоснованной этической идеи. Но вопрос об истинности или неистинности религии зависит не от каких-либо книг, а от вопроса о том, что есть истинная природа человека. Книга — это производное, это проявление человеческой природы; человек создал все эти книги, а не книги — человека. И разум — это тоже проявление человеческой природы, к которой мы и должны взывать как к более высокой инстанции. Тем не менее, поскольку разум непосредственно связан с человеческой природой, к нему следует обращаться в той мере, в какой он верен этой природе.

Что я понимаю под разумом? То, что сейчас на уме у каждого образованного мужчины и каждой образованной женщины: приложение открытий мирского знания к религии. Первый принцип разумного рассуждения состоит в том, чтобы частное объяснять общим, пока не дойдем до всеобщего, всеобъемлющего, универсального. Например, у нас есть идея закона. Если нечто происходящее мы можем счесть проявлением некоего закона, мы удовлетворяемся и принимаем это за объяснение. Объяснение в данном случае заключается в следующем: доказывается, что некое событие, которое нас заинтересовало или обеспокоило, есть лишь частный случай некой общей массы событий, что мы и обозначаем словом «закон». Когда упало одно яблоко, Ньютон задумался; но когда он осознал, что все яблоки падают, то сказал, что это закон тяготения, и был удовлетворен. Таков один принцип человеческого знания. Я вижу на улице некое существо, человеческое существо. Я соотношу его с более широким понятием человека и на том удовлетворяюсь. Я знаю, что это человек, потому что соотнес его с более общим понятием. Таким образом, частное должно быть соотнесено с общим, общее — с еще более общим, и все это в конце концов — со всеобщим, всеобъемлющим, универсальным, с наиболее универсальным из имеющихся у нас понятий, с понятием существования. Существование — наиболее универсальное из всех понятий.

Мы все — человеческие существа, то есть каждый из нас — это как бы часть общего понятия «человечество». Человек, кошка, собака — животные. Эти конкретные примеры: человек, собака, кошка — части большего и более общего понятия «животное». Человек, кошка, собака, растение, дерево — все это объединяется еще более общим понятием «жизнь».

Далее, все только что названное, все существа и все предметы объединяются общим понятием «существование», потому что оно объемлет все. Итак, объяснение в данном смысле означает всего лишь отнесение частного понятия

³ Согласно мусульманскому государственному праву немусульманское население завоеванных стран делится на две части: приверженцы монотеистических религий — «христиане и иудаисты», или «люди книги», обязаны уплачивать подушный налог. Они могут исповедовать свою веру. Те же, кого нельзя назвать «людьми книги», то есть язычники и идолопоклонники, должны либо принять ислам, либо быть готовыми к тому, что дозволяется убивать их или обращать в рабство. Вместе с тем Вивекананда высоко оценивал неприятие мусульманской традицией представлений о «расовых, кастовых и иных различиях» между членами мусульманской общины. Он называл пророка Мухаммеда «пророком равенства и братства всех мусульман» и призывал к синтезу ведантистских идей с элементами мусульманской философии.

к общему, нахождение класса подобных явлений. В нашем уме как бы накоплены многочисленные классы соотнесенных друг с другом, обобщенных понятий. Наш ум как бы состоит из гнезд, в которых располагаются эти классы понятий, и когда мы сталкиваемся с каким-либо новым явлением, наш ум сразу пытается найти ему место в одном из этих гнезд. Если место находится, новое явление помещается в соответствующее гнездо, и мы удовлетворены, мы считаем, что познали это новое явление. Вот что понимается под знанием, и ничего больше этого. А если мы не находим ничего подобного новому явлению, мы не удовлетворены и ждем, пока все же не отыщем в нашем уме какую-нибудь другую классификацию для данного явления. Поэтому, как я уже сказал, знание — это в большей или меньшей степени классификация. Есть, впрочем, и другие аспекты. Еще один подход к понятию «знание» делает упор на то, что всякое познавательное объяснение предмета должно исходить из него самого, а не из чего-либо вне его. Так, прежде верили, что если человек подбрасывал камень и камень падал вниз, то это некий демон тянул его книзу. Многие вполне естественные явления люди приписывают действию сверхъестественных существ. Объяснение, согласно которому некий демон тянул книзу камень, — это такое объяснение, которое исходит не из самого предмета, а из неких сил вне его; объяснение же в терминах закона тяготения исходит из природы самого камня. И такую тенденцию вы найдете во всех проявлениях современной мысли; иными словами, под наукой понимаются такие объяснения явлений, которые исходят из их собственной природы и не требуют для объяснения вселенной ссылок на какие-либо внешние существа или силы. Химик никогда не нуждается в демонах, духах или еще в чем-нибудь подобном для объяснения своих явлений. И физику никогда не требуются подобные существа для объяснения тех предметов, которые он познает; и никакому другому ученому они не требуются. И это одно из тех свойств науки, которые я хочу утвердить в религии. Религиям не хватает подобных свойств, и именно поэтому они теперь разваливаются на куски. Каждая наука стремится к объяснениям, исходящим изнутри, из самой природы вещей; а религии не в состоянии давать подобных объяснений. Есть древняя теория личностного божества, полностью отделенного от вселенной, теория, у которой были сторонники с самых давних времен. Доводы в пользу существования такого божества излагались снова и снова: почему именно необходимо, чтобы был Бог, совершенно отделенный от вселенной, такое божество вне космоса, которое по своей воле создало эту вселенную и которого религия считает правителем вселенной. Помимо всего прочего, этот всемогущий Бог изображается также и Всемиловейшим, однако в мире продолжает существовать неравенство и несправедливость. Впрочем, философа интересует вовсе не это, а то, что подобное построение по самой сути своей неверно: это объяснение извне, а не изнутри. На вопрос: «В чем причина вселенной?» — дается ответ: «Причина вне самой вселенной, в том существе, которое ее создало и движет ею!» И подобно тому, как объяснение отсылкой на некую внешнюю силу оказалось неудовлетворительным в случае падающего камня, объяснение вселенной, даваемое религией, также стало неудовлетворительным. Религии распадаются, потому что они не умеют давать лучших объяснений.

Еще одна научная идея, демонстрирующая тот же принцип, а именно, что всякое объяснение должно исходить изнутри предмета, — это современный закон эволюции. Весь смысл понятия «эволюция» заключается в том, что природа каждого предмета или явления постоянно воспроизводится; что следствие — это не что иное, как причина в другой форме; что все, что есть в следствии, уже потенциально содержалось в причине; что все творение — это именно эволюция, а не творение. Иначе говоря, каждое следствие, каждый результат — это воспроизведение предшествующей причины, видоизмененное в силу обстоятельств, и так оно все время происходит во вселенной, и у нас нет необходимости искать причины этих изменений где-то за пределами вселенной; они в ней самой. А раз нет необходимости искать какую-либо причину вовне, то это разрушает религию. Я имею в виду, что те религии, которые были основаны на идее о некоем божестве вне космоса, что это божество — нечто вроде очень великого человека, такие религии больше не могут устоять; их как бы лишили основания.

Возможна ли такая религия, которая бы удовлетворяла двум вышеназванным принципам разума? Я думаю, что возможна. Как мы видели, прежде всего должен быть проведен принцип обобщения, то есть возведения частного до всеобщего. А наряду с этим принципом также и принцип эволюции. Мы должны прийти к высшему обобщению, которое будет не только самым универсальным из всех обобщений, но еще и таким, из которого будет выводиться все остальное. Оно должно быть такой же природы, как и самое отдаленное его следствие; причина, наивысшая, наиконечная, первопричина должна быть тем же, что и низжайшее, самое отдаленное из ее следствий, результат последовательных эволюции. Брахман веданты удовлетворяет этим требованиям, потому что Брахман — это самое последнее обобщение, к которому мы можем прийти. У него нет никаких атрибутов, но Брахман — это Существование, Знание, Блаженство, и все — в абсолютной степени. Существование, как мы видели, — это высшее обобщение, к которому может прийти человеческий ум. Знание в данном случае означает не то конкретное знание, которым мы располагаем, но саму его суть, ту суть, которая проявляется как знание в человеческих существах или в животных по ходу эволюции. Суть знания — это то, что находится, если мне будет позволено так выразиться, за пределами самого сознания. Вот что имеется в виду под Знанием; и это же проявляется во вселенной как сущностное единство всего. По моему мнению, если современная наука что-либо доказывает снова и снова, так это то, что мы все едины — интеллектуально, духовно и физически. Неверно утверждать, что мы разделены физически. Даже если мы встанем на точку зрения материалиста, то и тогда надо будет признать, что вся вселенная — это всего лишь океан

материи, в котором вы и я — словно небольшие завихрения, водовороты. Материя входит в каждый водоворот, принимает его форму, а затем выходит из него, снова становясь просто материей. Та материя, которая теперь в моем теле, могла быть в вашем несколько лет тому назад, или она могла быть на солнце, или — материей какого-либо растения, и так далее — в постоянном движении и изменении. Что значит «ваше тело» и «мое тело»? Телесность едина. И так же обстоит дело с мыслью. Есть океан мысли, одна бесконечная масса, в которой ваше сознание и мое сознание — будто водовороты. Разве вы не видите, что происходит сейчас: как мои мысли входят в ваши, а ваши — в мои? Наши жизни — это одно целое; мы все — это одно целое, даже в сфере мысли. На еще более высокой ступени обобщения сущность и материи, и мысли — это их потенциальная духовность; это то единство, из которого проистекает все, поэтому оно и должно быть сущностно единым. Мы едины абсолютно: и физически, и интеллектуально, и, конечно же, духовно, если мы вообще верим в духовность. Факт этого единства каждодневно доказывается современной наукой. Гордому человеку говорится: ты — то же самое, что и вот этот червячок; не думай, что между ним и тобой есть большое различие; ты — то же самое, что и он. Ты был таким же червем в прошлом рождении, и этот червь дополз до человеческого состояния, которым ты так гордишься. Это великое учение о единстве всего в мире, о нашем единстве со всем, что существует, преподает нам очень важный урок, потому что большинство из нас весьма рады считать себя одним целым с высшими существами, но никто не хочет быть одним целым с существами более низкими. Таково человеческое невежество: если у кого-то предки были людьми, чтимыми в обществе, пусть даже злодеями и разбойниками, каждый из нас будет стараться подчеркнуть свое происхождение; но если, напротив, среди наших предков были люди бедные и честные, никто не захочет таких предков признавать. Но пелена спадает с наших глаз, истина становится все более и более явной, и это большой выигрыш для религии. В том-то и состоит учение адвайты, о котором я веду речь в этой лекции. Атман есть суть этой вселенной, суть всех душ; Он — суть вашей собственной жизни, более того, «Ты есть То»⁴. Вы — одно целое со всей этой вселенной. Тот, кто говорит, что он отличен от других, хоть на самую малость, сразу становится несчастным. Счастлив лишь тот, кто осознает свое единство со всем, кто знает, что он — одно целое со всей вселенной.

Таким образом, мы видим, что религия веданты может удовлетворить требованиям науки в том, что касается принципа наибольшего обобщения и закона эволюции.

Еще более полно воплощен в веданте тот принцип, что объяснение каждого предмета должно исходить из него самого. Брахман, Бог веданты, не имеет ничего вне Себя, совершенно ничего. Поистине все есть Он; Он — во вселенной, Он — и есть вселенная. «Ты — мужчина, ты — женщина, ты — юноша в расцвете юности, ты — ковляющий старик»⁵. Он — здесь. Его мы видим и чувствуем; в Нем мы живем, и двигаемся, и существуем. У вас есть такое же представление в Новом завете. Представление о том, что Бог имманентен вселенной, что он — самая суть, сердце и душа всего. Он как бы проявляет себя во вселенной. Вы и я — маленькие частицы, маленькие точки, маленькие проявления, существующие внутри этого бесконечного океана Существования, Знания, Блаженства. Разница между человеком и человеком, между ангелом и человеком, между человеком и животными, между животными и растениями, между растениями и камнями, — эта разница не качественная, потому что все — от высшего ангела до мельчайшей частицы материи — всего лишь проявления того одного бесконечного океана, и разница между ними лишь количественная. Я — низкое проявление, вы, может быть, более высокое, но оба мы — из одного материала. И вы, и я — из одного источника, имя которому Бог; ваша природа божественна, и моя тоже. Вы обладаете божественной природой по праву рождения, и я тоже. Вы можете быть ангелом чистоты, а я могу быть самым черным из демонов. Тем не менее тот бесконечный океан Существования, Знания, Блаженства — мой по праву рождения. И ваш тоже. Сегодня вы проявили себя в большей степени. Погодите: я проявлю себя еще в большей степени, потому что все заключено во мне самом. Никакого внешнего объяснения не подыскивается; такового и не требуется. Эта вселенная как целое и есть Бог. Есть ли Бог в таком случае материя? Нет, конечно нет, потому что материя — это Бог, воспринимаемый пятью чувствами; Бог, воспринимаемый интеллектом, — это ум; а когда воспринимает дух, то Он воспринимается как дух. Он — это не материя, но все, что реально в материи, — это Он. Все, что реально в этом стуле, — это Он, потому что стул имеет две составляющих. Мои чувства сообщают мне о чем-то, что вне меня, мое сознание привносит что-то свое, и результат соединения этих двух составляющих и есть стул. То, что существовало вечно, независимо от чувств и интеллекта, — это сам Господь. На Нем чувства рисуют стулья, и столы, и комнаты, и дома, и миры, и луны, и солнца, и звезды, и все остальное. Как же так получается, что мы все видим тот же самый стул, что мы все одинаково рисуем эти разные вещи на Господе, на этом Существовании-Знании-Блаженстве? Совсем не обязательно все рисуют одинаково, но те, кто рисуют одинаково, находятся на одном уровне существования, потому-то они и видят рисунки друг друга и вообще друг друга. Могут существовать миллионы существ между вами и мной, которые рисуют Господа не так, как мы, но ни их самих, ни их рисунки мы не видим.

⁴ Великое речение («Махавакья») Упанишад («Тат твам аси»); Чхан.-уп., VI, 8. 7.

⁵ Пересказ Швет.-уп., IV, 3.

С другой стороны, как вы все знаете, современные физические исследования приходят к таким заключениям, что реальное — это то, что менее явно; явное — это лишь видимость. Как бы там ни было, мы видели, что если какая-либо теория религии может выдержать проверку современным научным разумом, так это адвайта, потому что она выполняет два его требования. Адвайта — это наивысшее обобщение, идущее дальше принципа личности, обобщение, которое охватывает все сущее. Обобщение, останавливающееся на Личностном Боге, никогда не может быть универсальным, потому что, во-первых, представляя себе Личностного Бога, мы должны сказать, что Он всемилостив и всеблаг. Но в этом мире есть и благо, и зло. Мы отделяем то, что нам нравится, и обобщаем это в виде некоего Личностного Бога! Но когда вы говорите, что данный Личностный Бог есть то-то и то-то, то вы должны также сказать, что Он — не есть то-то и то-то. И вы всегда придете к тому, что идея Личностного Бога нуждается в идее личностного дьявола. Таким образом, мы ясно видим, что идея Личностного Бога — это не истинное обобщение; мы должны идти дальше, к Неличному. Именно в нем существует вселенная, со всеми ее радостями и несчастьями, потому что все, что существует во вселенной, имеет своим истоком Неличное. Могут спросить: что же это за Бог, которому мы приписываем среди прочего даже зло? На это следует ответить, что и добро, и зло — это различные аспекты или проявления одного и того же. Представление, что добро и зло — это две разные сущности, было ложным представлением с самого начала, и оно повлекло за собой многие несчастья в нашем мире; как будто правильное и ложное — это две совершенно отдельные вещи, полностью независимые друг от друга, а добро и зло — извечно разделимые и раздельные сущности. Хотел бы я познакомиться с таким человеком, который показал бы мне нечто, что всегда есть добро, и нечто, что всегда есть зло. Будто можно торжественно определить некоторые явления этой нашей жизни как безусловное добро, а некоторые другие явления — как безусловное зло. То, что сегодня добро, завтра может быть злом. То, что сегодня зло, завтра может быть добром. То, что добро для меня, может быть злом для вас. Следовательно, как и во всем прочем, есть эволюция и в сфере добра и зла. Есть нечто, что на одной стадии эволюции мы называем добром, а на другой — злом. Бурю, убившую моего друга, я называю злом, но эта же буря могла спасти жизни сотням тысяч людей, убив вредные бактерии в воздухе. Люди назовут эту бурю добром, а я назову ее злом. Таким образом, добро и зло — это свойства мира относительного, мира явлений. А Неличный Бог, о котором мы говорим, — это не относительный Бог; поэтому нельзя сказать, что Он — или добро, или зло; Он — нечто за пределами добра и зла, потому что Он — ни добро, ни зло. Однако добро — это более непосредственное Его проявление, чем зло.

Каков же будет результат приятия такого Неличного Существа, Неличного Божества? Что мы обретаем? Будет ли религия в таком случае фактором человеческой жизни, нашей утешительницей и помощницей? Сможет ли человек удовлетворить свое сердечное желание и помолиться, взывая о помощи, некоему существу? Да, все это останется. Личностный Бог останется, но на более крепком основании. Теперь он усилен Неличным. Мы видели, что без Неличного Личностный Бог не может сохраниться. Если вы утверждаете, что есть некое совершенно отделенное от этой вселенной Существо, которое создало эту вселенную по Своей воле из ничего, то такое утверждение недоказуемо. Такого быть не может. Но если мы примем идею Неличного, то тогда и идея Личностного может сохраниться. Эта вселенная, в ее различных формах и видах, — всего лишь как бы разные прочтения того же самого Неличного. Когда мы прочитываем его своими пятью чувствами, мы называем это материальным миром. Если бы имелось существо с более чем пятью чувствами, оно бы прочитывало то же по-иному. Если бы кто-то из нас обрел электрическое чувство, он бы воспринимал вселенную как-то иначе. Есть разные формы того же самого Единого, и разные представления о мире — это как бы разные прочтения одного и того же, и Личностный Бог — это наивысшее из прочтений Неличного, доступных человеческому интеллекту. Поэтому Личностный Бог истинен в той же мере, в какой истинен этот стул или этот мир, но не более того. Это не абсолютная истина. Иначе говоря, Личностный Бог — это тот же Неличный Бог, и поэтому он истинен, точно так же, как я, человек, истинен и не истинен в одно и то же время. Я не таков, каким вы видите меня; и вам легко в этом убедиться. Я не то существо, за которое вы меня принимаете. В этом нетрудно убедиться, потому что свет и различные вибрации или изменения состояния атмосферы, а также разнообразные движения внутри меня создали видимость меня такового, каким я вижусь вам. Но если какое-либо из этих условий изменится, я снова буду другим. Можете удостовериться в моих словах, сфотографировав одного и того же человека при разных освещениях. Так что я есмь то, чем я являюсь в ваших чувствах; и тем не менее, несмотря на все это, есть неизменное нечто, по отношению к которому все эти проявления — лишь различные модусы существования; есть неличностное «Я», от которого отличны тысячи прочих «Я». Я был ребенком, я был юношей, и вот я становлюсь старше. Каждый день моей жизни мое тело и мои мысли меняются, но, несмотря на все эти перемены, целое образует некую постоянную величину. Это и есть то неличностное «Я», по отношению к которому все конкретные проявления — это как бы части.

Подобным же образом целое вселенной, как мы знаем, неподвижно, постоянно, но все, что находится в этой вселенной, движется, все находится в состоянии непрестанной текучести, все меняется и перемещается. В то же время мы видим, что вселенная в целом неподвижна, поскольку движение — это понятие относительное. Я двигаюсь относительно стула, который неподвижен. Должно быть по крайней мере два соотносимых тела, чтобы можно было говорить о движении. Если же взять всю вселенную как целое, то движения не окажется: по отношению к чему

может двигаться вселенная? Таким образом, Абсолютное неизменно и неподвижно, а все движения и изменения происходят в мире явлений, в мире конечного. Целое — это Неличное, а в нем обретаются все эти различные личности, начиная от мельчайшего атома и кончая Богом, Личностным Богом, Творцом, Правителем вселенной, которому мы молимся, перед которым опускаемся на колени и так далее. Существование такого Личностного Бога может быть обосновано весьма убедительно. Такой Личностный Бог объясним как высшее проявление Неличного. Вы и я — это довольно низкие проявления, а этот Личностный Бог — самое высшее проявление, какое мы только можем себе представить. И ни вы, ни я не можем стать этим Личностным Богом. Когда веданта говорит, что вы и я — Бог, то имеется в виду не Личностный Бог. Вот пример, поясняющий суть дела. Из массы глины слеплен огромный слон, и из той же глины сделан маленький глиняный мышонок. Сможет ли этот глиняный мышонок когда-нибудь стать глиняным слоном? Но поместите обе фигуры в воду, и они снова станут просто глиной; как глина они одно, но в качестве слона и мышонка между ними будет вечная разница. Бесконечное, Неличное подобно глине в этом примере. Мы и Правитель вселенной — одно; но в качестве явленных существ, людей, мы — Его вечные рабы, Его почитатели. Так, мы видим, что Личностный Бог сохраняется. И все остальное в этом относительном мире остается, а религия получает более прочное основание. Поэтому необходимо, чтобы мы сначала познали Неличное именно ради того, чтобы познать Личностного Бога.

Как мы видели, закон разума говорит, что частное познается только через общее. Следовательно, все частные явления, от человека до Бога, познаются только через Неличное, высшее обобщение. Молитвы останутся, но только они обретут лучший смысл. Возможно, исчезнут все глупые виды молитв, низшие виды молитв, которые представляют собой всего лишь проговаривания разных наших глупых желаний. Во всех разумных религиях никогда не разрешают молиться Богу; разрешают молиться богам. И это естественно. Католики молятся святым; и это очень хорошо. Но молиться Богу бессмысленно. Просить Бога дать вам глоток воздуха, ниспослать дождь, обеспечить урожай фруктов в вашем саду и т. д. — это все неестественно. Святые, которые были существами вроде нас, могут нам помочь. Но молиться Правителю вселенной, обращаться к нему со всеми нашими мелкими нуждами с самого детства: «О Господи, у меня болит голова, пусть она перестанет болеть!» — это смешно. Были миллионы душ, умерших в этом мире, они были, и они есть; они стали богами и ангелами; пусть они приходят вам на помощь. Но Бог! Это не Его дело. К Нему следует обращаться за более высокими вещами. Поистине глуп тот, кто, расположившись у берега Ганги, копает маленький колодец, чтобы достать воды; поистине глуп тот, кто, живя у алмазных копей, выковыривает из земли блестящие стекляшки.

И поистине мы будем глупцами, если будем обращаться к Отцу всемиростивому, Отцу вселюбящему с тривиальными земными проблемами. К Нему мы должны обращаться за светом, за силой, за любовью. Но пока в нас остаются слабость и стремление к рабской зависимости, останутся и эти жалкие молитвы и сама идея о поклонении Личностному Богу. Но те, кто поднялся выше, не нуждаются в таких мелких занятиях, они почти забыли, что значит домогаться чего-либо для себя, желать чего-либо для себя. Главная мысль у них — не «Я», а «ты», «мой брат». Именно такие люди способны поклоняться Неличному Богу. Что же такое поклонение Неличному Богу? Это отнюдь не рабство, вроде: «О Господи, я — ничто, помилуй меня!» Вы ведь знаете старинное персидское стихотворение, переведенное на английский язык:

«Я пришел на встречу с моей любовью. Двери были закрыты. Я постучался, и изнутри раздался голос: «Кто ты?» — «Я такой-то». Дверь не открылась. Снова я пришел и постучался. Мне был задан тот же вопрос, и я дал тот же ответ. Дверь не открылась. В третий раз я пришел и услышал тот же вопрос. Я ответил: «Я есмь ты, любовь моя», — и дверь открылась».

Поклонение Неличному Богу совершается посредством истины. А в чем заключается истина? В том, что я есмь Он. Когда я говорю, что Я не есмь Ты, это неправда. Когда я говорю, что я отделен, отличен от вас, то это ложь, ужасная ложь. Я — одно целое с этой вселенной от самого моего рождения. Для моих чувств самоочевидно, что я — одно целое со вселенной. Я — одно целое с воздухом, который меня окружает, одно целое с теплом, одно целое со светом, извечно одно целое со всем Универсальным Бытием, которое называется этой вселенной, которое ошибочно считается вселенной, потому что это Оно, и ничто другое, есть вечное я, то вечное я, которое говорит «я есмь» из каждого сердца, — то бессмертное Оно, то бессонное, вечно бодрствующее Оно, то бессмертное Оно, чья слава никогда не иссякает и чья сила никогда не убывает. Я — одно целое с Тем.

Таково поклонение Неличному — а каков его результат? Результат таков, что изменится вся жизнь человека. В этой жизни нам необходима сила и еще раз сила, потому что то, что мы называем грехом и печалью, имеют одну причину, а именно нашу слабость. Слабость приводит к невежеству, а невежество доводит до нищеты и страдания. Поклонение же Неличному сделает нас сильными. Тогда можно будет смеяться над страданиями, тогда можно будет встречать усмешкой насилие злодея, и в свирепом тигре за его тигриной природой прозревать свое собственное «Я». Таков будет результат. Лишь та душа сильна, которая стала одним целым с Господом, и никакая иная. Обращаясь к вашей Библии, в чем, вы думаете, была причина той силы Иисуса из Назарета, той огромной, бесконечной силы, благодаря которой он смеялся над предателями и благословлял тех, которые хотели убить его? Причина была вот в чем: «Я и Отец мой — одно целое». Причина — в той молитве: «Отец, подобно тому как я — одно

целое с тобой, сделай их всех одним целым со мной»⁶. Это и есть поклонение Неличному Богу: быть одним целым со вселенной, быть одним целым с Ним. И этот Неличный Бог не нуждается ни в каких подтверждениях, ни в каких доказательствах. Он ближе к нам, даже чем наши чувства, ближе к нам, чем наши собственные мысли; в Нем и посредством Него мы чувствуем и думаем. Чтобы видеть что-либо, я должен сначала видеть Его. Чтобы увидеть эту стену, я сначала вижу Его, а потом уже стену, потому что Он — вечный предмет зрения. Впрочем, кто видит кого? Ведь Он в нас, в самой глубине наших душ и сердец. Тела и сознания изменяются, горе и счастье, добро и зло приходят и уходят; дни и годы все катятся и катятся; жизнь приходит и уходит, но Он не умирает. Тот же голос, говорящий: «Я есмь, я есмь», — вечен и неизменен. В Нем и посредством Него мы познаем все. В Нем и посредством Него мы видим все. В Нем и посредством Него мы чувствуем, думаем, живем и существуем. И то «Я», которое мы ошибочно считаем маленьким, ограниченным «Я», на самом деле — не только мое «Я», но и ваше, «Я» каждого, «Я» всех зверей и ангелов и «Я» самого низкого из низких. Это «Я есмь» — одно и то же и в убийце и в святом, и в богатом и в бедном, и в мужчине и в женщине, и в человеке и в животном. От простейшей амебы до высшего ангела — Он обитает в каждой душе и вечно провозглашает: «Я есмь Он, Я есмь Он»⁷. Когда мы поймем этот голос, вечно звучащий в нас, когда мы усвоим этот урок, вся вселенная откроет нам свою тайну. Природа выдаст нам свои секреты. Ничего больше не останется познавать. Так мы обретаем истину, которую ищут все религии и по отношению к которой все знание материальных наук всего лишь вторично и второстепенно. Это единственное верное знание, делающее нас одним целым со Всеобъемлющим Богом вселенной.

⁶ Соотносится с Ин, 10, 30 («Я и Отец — одно»).

⁷ Другое знаменитое речение Упанишад («со'хам») (Хамса-уп., 2; Иша-уп., 5).